

* * *

Сонный город устало и строго
Закрывает пустые глаза.
Я засну. Мне приснится дорога.
Крестный ход. Над землей образа...

Молодой, невеселый священник
Мне покажет рукою: „Иди”...
Как хоругви, пасхальное пенье
Люди в черном несут впереди.

Все сливаются: пение, ветер...
Нависает слепая беда.
Крестный ход тонкой черною плетью
Над порочной страной — Ленинград...

Крестный ход тонкой черною плетью
Над порочной страной — Ленинград...

* * *

Ветер ночью гуляет в промерзшей избушке.
И рассохшийся стол одиноко вздыхает,
Как старик, в темноте вспоминающий тайну,
Поделиться которой ни с кем невозможно...

Инкрустировал иней стеклянные листья,
Стены выложил хрупким своим перламутром.
Драгоценный шкатулкой, запрятанный в зиму,
Спит избушка. Ей снятся зеленые птицы.

ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ – СЕРЕДИНА ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Из любого положения выходили легко, но с позором.
Шли, приплясывая, по линии наименьшего сопротивления.
Молчали, не упуская ни единого случая прошипеть.
И все время шли, в лицо уставившись фактам.
Лицо было омерзительным, но этого не замечали.
Все ждали чего-то, хотя и верили,
Что так плохо, как будет, до сих пор еще не было.

По сторонам сутились цицеронствующие молодчики,
Захлебываясь слюной, повторяли чужие слова,
Гибкие, словно кнут, и, как пряники, жесткие.
Обещали все и всем, но почему-то очень нескоро.

А сверху из Центрального Проискуомитета
Союза всех великих и языческих республик,
Доносились шаманские заклинания.
Иногда их пытались расшифровывать,
Но это надоело всем очень быстро.

И продолжали идти. А как же иначе...

* * *

От ветра дрожали витрины тревожно,
Подъезды в домах раздувались гармошкой,
Проплыл вдоль по рельсам трамвай, как застежка
На молнии, и расстегнул осторожно

Асфальт на земле. Оглушительно тихо
Вдруг стало кругом. И тогда я услышал,
Как каждой отдельной травинкою дышит
Земля. И зеленая неразбериха

Полезла наружу, асфальт распирая,
В ней тонут витрины, подъезды, трамваи.
Струится по улицам масса живая.
Мой город зеленый потоп заливает...

* * *

Имеющий быть одиноким,
Взыскатель нетленных наречий,
Глаголов холодных алкатель,
Рассеянный времяубийца
Бредет с каламбуром по жизни.

Со свистом проносятся тучи
Над черной его головою.
И след самолета разрезал
Вдали воспаленное небо.
Природа полна беспокойством.

Но чуждый деталям мыслитель,
Каких на Руси уже мало,
А, может быть, даже и нету
(Что, впрочем, не так уж и важно.)
Течения жизни не видит.

Уставившись мысленным взором
В лицо изначальнейшим фактам,
Он весь погружен с головою
В глубинное каламбуренье
Словесной подпочвы сознанья.

И в месиве слов увязает
Вся неконструктивная мудрость
Вторичных его ощущений.

* * *

Загоревшихся капель точки, —
Как зрачки, обленили плоть.
Может, именно этой ночью
Мне приснится Господь?

Сколько же времени я провел
В темноте, в забвении, в затуманье. В
такой блаженности, что не вспоминаю
никогда, как я пришел в мир

МОЕ ГОСУДАРСТВО

На колесах из серого камня
Колосс, громыхая, несется
С кулаками, приросшими к телу,
В сверкающем облаке пыли.

Сквозь прямоугольные плечи
Растет голова его в небо,
Чернея гигантским нарывом
И солнце собой заслоняя.

Разрез ассирийского ока
Отрезан от мира живущих
Его бородой, как кольчугой
Из туч, симметрично завитых.

Внизу, под колесами, люди.
Но лик истукана не дрогнет.
В лице глинобитном лишь ярость,
Ленивая ярость погони.

Колосс, громыхая, несется
С кулаками, приросшими к телу.

И раздавленные... Сколько раздавленных!

* * *

Моя голова — обезумевший флюгер —
Повисла над городом в стае антенн.
Внизу в поездах просыпаются люди,
И тени бегут вдоль облупленных стен.

Лишайник рекламы дрожит истерично
Над тусклую плесенью мокрых домов.
Надрывно поет инвалид в электричке,
И память, скользя по туннелю из слов,

Как поезд-цикlop, вылетает навстречу.
В глаза неразбавленный прыгает свет,
И вспыхивают гимнастерка,увечья
И кружка, вся полная мелких монет.

Звенят ордена, оловянная кружка,
Застыл инвалид у вагонной двери,
Плынут над его головой равнодушно
В холодном стекле фонарей волдыри.

А дождик штрихует дома в Ленинграде,
Чугунных решеток арабскую вязь,
В косую линейку, как в детской тетради,
Чернильные кляксы, невнятца фраз.

Мелькают лиловою рябью каналы,
Решетки, мосты, инвалиды, вокзал...
И только меня там уже не осталось,
В несбывшемся детстве вагон мой застрял.

НЕВСКАЯ ЭСТАФЕТА

Имперский кентавр на зернистой скале,
Ощерив усы над Невою летит.
Помет голубиный на медном челе
Стекает, как белые слезы, в гранит.

Указ, эстафету, России судьбу
Кентавр-император зажал в кулаке.
И руку навстречу ему протянул
Плюгавый диктатор на броневике.

Г О Р О Д

Газетой измятой
По спинам покорных
Людей, упльывающих в гейзеры пара,

Кусочками неба,
Клочками бумаги,
Кричащим овалом лица на витрине,

Голодною стаей
Машин пучеглазых —
В кружение туго закрученных улиц,

В могучую плавность
Потоков асфальта.
В движенье вещей, не имеющих цели...

КОНЦЕРТ

Кто-то ночью в мятом фраке
Повторяет заклинанья,
На кусочки воздух режет,
Весь на цыпочки встает.
Сто голов на белых шеях
Заставают в ожиданье
И плывут по залу блики
Головастиками нот.

Голубая вьется скрипка
Над скучающим пюпитром,
Но ее за горло держит
Раскаленная ладонь.
Откровеньем и кощунством,
Разглашением молитвы
Над пюпитром вьется скрипка,
Словно птица над огнем.

Злой колдун летит над залом,
С механическим блаженством.
Осторожно окунает
В ночь смычок из янтаря.
Набухает вдохновенье
В подбородке у маэстро,
И смычок над горлом скрипки
Длинным лезвием застрял.

* * *

Лица прохожих,
Обрывки бумаги
Ветер уносит
В улицы-трубы.
Лица похожи
На белые флаги,
Желтую осень,
Синие губы.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЗАД

Заснул, весь привычно согнувшись,
Как будто бегун перед стартом.
Глаза твои сразу исчезли,
И вспыхнул в мозгу телевизор:
В холодном, зеленом экране
Скользя, извиваются цифры,
Сжимаются в белую точку,
И в небо туннель образуют.

Иду, натыкаясь на стены.
Слепые летучие мыши
Мохнатыми крыльями боятся,
В моей голове застrevая.
И цепь саблезубых монахов —
Коммандос, спустившихся с неба —
Пунктирно осью уходит
В лицо совершенного Будды.

Все это со мной уже было.

Сверкающей каменной глыбой
Лежит на песке лицо Будды.
Меня кто-то поднял за шею,
Как пешку вперед пододвинул,
И я головой прикоснулся
К губам его полураскрытым,
Пытаясь хоть что-то услышать.

Вокруг дрожат мокрые стены,
И катится пот с меня градом.
Под речитативы монахов
Фигуркой из мягкого воска
Все тело мое оплывает,
Становится белою точкой,
Как след в середине экрана...

И гаснет в мозгу телевизор.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЭККЛЕЗИАСТ

Третий день поутру привкус пепла во рту,
И все снится, что встречусь я снова с отцом.
А потом просыпаюсь в холодном поту
И ловлю пустоту запрокинутым ртом.

В ленинградский ОВИР, как на круги своя,
В кабинеты людей, умножающих зло,
Возвращаемся снова — отец мой и я,
Возвращаемся мы, видно, время пришло.

Время ждать разрешенья и время молчать,
И почувствовать вдруг, как сужается мир.
Время медленно жить, возвращаясь опять,
Как на круги своя, в ленинградский ОВИР.

Повторять свою жизнь мы, согнувшись, войдем
В мир, где тайных инструкций сухая возня.
Секретарша с небрежно накрашенным ртом
Полоснет плоскозубой усмешкой меня.

И в святая святых нас пропустят вдвоем.
За огромным столом человек без лица.
И спрошу себя снова я в сердце своем:
„Для чего они мучат больного отца?”

Материю гласных, простроченных ритмом,
Из горла — как фокусник — строчку-за-строчкой...
Цветные лоскутья друг к другу пришиты
На нитку живую, но держатсяочно.

И что-то твердил про себя, заикаясь.
Кадык — членоком — строчил-стихо-творенья...
Цветные ложмотья из слов разевались
Сигналами бедствия — прямо на сцене.

П О Е Д И Н О К

Лицо сквозь бумагу — нарывом
Пространства, нашедшего форму,
Сгущается неторопливо
Ожившее массою черной.

Ползет треугольным утесом
Породистый нос неуклонно
Сквозь толщу лица. Вслед за носом
Ползет подбородок огромный.

И пряди волос проступают
Копнаю тяжелой и липкой,
Как будто сквозь череп стекают
Извилины мозга в улыбку.

Во рту, перламутрово-синем,
С шипением режутся зубы,
Повисли на гибких морщинах
Дрожащие, толстые губы.

Качаются, словно качели,
В бумагу толкаются глухо —
Зубами наполненный эллипс
Натянут от уха до уха.

Смеется злорадно и грубо,
Заходится старческим кашлем.

И лязгают белые зубы,
Куснуть норовят карандаш мой.

Стою, укротитель со шпагой.
Захлопнулась клетка на сцене.
Взбесившийся зверь сквозь бумагу
Прорвался и сбросил ошейник.